

ЗАПАДЛО
ПО-ПАЦАНСКИ

Надин Здани

Надин Здани

ЗАПАДЛО. По-пацански

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72858107

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть вещи, которые – западло. Точка.

Западло – сдаваться, когда вся система против тебя. Молчать, когда тебя называют сиротой. Готовить без души, если ты чувствуешь вкус лучше любого рецепта.

Антон – это грязь под ногтями, сталь в руке и правила, выжженные на коже.

Его место – у адского жара плиты, его закон – его нож. Он выжил в детдоме. Выживет и здесь.

Есть мир, где правят другие понятия. Деньги. Связи. Ледяное безразличие.

Люба – принцесса этого мира. Для нее западло – показать, что ей больно. Просить внимания. Быть человеком, а не дорогой куклой.

Их миры сталкиваются лоб в лоб на кухне ресторана ее отца. Ему нужны новые рабы после разборок. Ей – хоть капля участия.

Это не встреча. Это проверка на вшивость. Объявление войны.

Он – гвоздь в гладком глянце ее жизни. Она – экзамен для всех его принципов.

Теперь вопрос: Кто кого сломает? Он научит ее чувствовать?

Она заставит его прогнуться?

Одно ясно – играть будут не по их правилам. Только по-пацански.

Содержание

Пролог. Два мира – один ад	5
Глава 1. Моя кухня. Мои войны	7
Глава 2. Стеклоанная клетка	25
Глава 3. Шанс. Один из миллиона	37
Глава 4. Испытание огнем	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Надин Здани

ЗАПАДЛО. По-пацански

Пролог. Два мира – один ад

Кончилась смена. От запаха дешевого масла, что впитался в кожу и волосы, не сбежать. Он вьелся намертво. Как клеймо. Смываю с рук жирную копоть, вода ледяная, но это даже кстати. Остужает тупую, знакомую злость, что копится за день. Со мной так всегда – сначала злюсь, потом отключаюсь. Проще ничего не чувствовать. Достаяю телефон. Экран весь в паутинке, но работает. Запускаю сохраненное видео. Снова и снова.

Там – он. Мишленовский шеф. Его кухня – сияющий храм, а не наша закопченная конура. Его движения – это идеальный танец. Ни одного лишнего. Ни одной дрожи. Нож в его руке – это продолжение мысли. Он режет не овощи, он создает искусство.

А я? Я просто выживаю. Моя мечта – смотреть на это видео. Она где-то там, за толстенным бронированным стеклом. До нее – как до луны. Не то что рукой – в телескоп не достать. Иногда кажется, что я вот-вот сорвусь, швырну этот гребанный телефон о стену и навсегда забуду эту дурацкую сказку.

А где-то прямо сейчас она. Люба. Дочь того самого ресто-

ратора, чьи фото в глянцевых журналах.

Вот она, наверное, скользит по паркету своей огромной, пустой квартиры.

Ворочает носом гордым перед зеркалом, примеряя очередное платье. Шелковое, наверное. Безделушка за стоимость моей годовой стипендии. Прислали из бутика. С курьером. Вместо того, чтобы привезти самому. Вместо того, чтобы просто спросить: «Как ты?»

И знаешь, в чем прикол? Разницы – никакой.

Мы оба в своих банках. За стеклом. Только моя склеена из говна и палок, а ее – литая, золотая, с бриллиантами по краям.

Но суть-то одна. Мы оба в одиночестве. Я – потому что меня никто не хотел. Она – потому что те, кто должен был хотеть, просто откупаются.

Я злюсь и молчу. Она носит маску королевы и молчит. И оба мы смотрим в свои экраны, пытаюсь разглядеть в них хоть каплю того самого, настоящего, что должно быть у всех. Какой-то теплоты. Какого-то дома.

Два мира. Ад – он, оказывается, бывает разный, но от этого не легче.

Глава 1. Моя кухня. Мои войны

Проснулся от духоты. Восемь мужиков в одной комнате – это вам не курорт. Воздух спертый, пахнет потом, носками и вчерашней доширачкой.

Райское благоухание.

Я уже привык, даже как-то родно. Потянулся, кости хрустнули. Первая мысль, как всегда – где сегодня подработаю. Вторая – надо бы носки постирать.

Третья отшибает все остальные: выдержи ли сегодня?

Общага – мой форт-пост. Моя крепость. Здесь свои правила. Здесь я не сирота Волков, я просто Антон. Тот, кто может и постегануть, и последнюю рубашку отдать. Ну, если попросят, а просить тут не любят. Мы все тут немножко волки-одиночки, со своими ранами и фантомными болями.

– Волков, вставай, а то опозоришь нас на кухне, – донесся с верхней полки хриплый голос Степана. Он у нас старший, лет двадцать пять, уже почти выпустился. Днем учится на сварщика, ночью – сторожем подрабатывает.

Спит урывками.

– Да не опозорю, – буркнул я, сползая с кровати. Пол холодный, линолеум потрескался. – Я ж гений, меня не понять вашим смертным разумами.

– Гений-недоделанный, – фыркнул кто-то из угла.

Я послал его куда подальше, но беззлобно. Так, по-свое-

му. Здесь все так. Это наш язык – матерный, колючий, но честный. Никаких тебе «дорогих» и «милых».

Максимум – «эй, ты, одумайся».

Умывальник в конце коридора. Очередь. Вода, как всегда, то ледяная, то чуть теплая. Бриться – мучение, но надо. На кухне – чистота. Первое и главное правило. Впилось в подкорку еще в детдоме. «Чистота – не для гостьи, чистота – для твоего же выживания, Волков». Так тетя Люда, наша повариха, говаривала. Я тогда еще маленький был, но запомнил. Она мне ножик свой первый доверила – старенький, затупленный, но свой. Я его чуть ли не под подушкой потом хранил. Казалось, он меня защищает.

В столовой общаги – каша. Манная. Комками. Я ее есть не стал. Выпил чай, терпкий, как отравка. Ждет меня сегодня настоящая еда. Вернее, битва за нее.

Училище. Дорога знакомая, каждый шаг. Мимо завода, через грязный пустырь, где пацаны футбол гоняют, мимо ларек с шаурмой, от которой пахнет так божественно, что слюнки текут. Я бы мог там есть каждый день, но денег жалко. Лучше отложу. На свой ресторан. Смешно? Да. Но если не верить в эту хрень, то можно с ума сойти с голодухи.

Вот и он, мой «Хогвартс». Техникум кулинарного мастерства. Вывеска облезлая. Из окон несет то жареной картошкой, то пригоревшим молоком.

Для меня это – запах дома, того, который я сам себе выбрал.

Раздевалка. Гвалт. Переодеваюсь в форму. Хлопок, белый, уже не первый год, но чистый. Для меня это как доспехи. Надел – и ты уже не просто Антон, ты – повар. Пусть пока только ученик.

И вот она – моя святыня. Моя война. Учебная кухня.

Десять плит. Десять моек. Десять разделочных досок. И запах... Запах свежего укропа, лука, мяса. Запах возможностей. Я делаю глубокий вдох. Здесь я король. Здесь я все могу.

Сегодня – основы. Суп. Казалось бы, что проще? Свари воду, кинь овощей. Ан нет. Основа основ. Бульон.

Наш препод, Иван Васильевич, ходит между рядами. Мужик под шестьдесят, лицо как хороший бифштекс – обветренное, потрескавшееся, но с добрыми глазами.

Но добрыми – только до первой ошибки. Он старой закалки. Прошел все кухни Союза. Для него повар – это не тот, кто рецепт выучил. Это тот, кто чувствует.

– Волков! – раздается его голос за моей спиной. – Опять ты как кот наплакал соли положил! По рецепту надо три грамма на литр! Где твои три грамма?

Я не оборачиваюсь. Помешиваю свой бульон. Он прозрачный, золотистый, на поверхности – едва заметные глазки жира.

– Иван Васильевич, я же чувствую, – говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Здесь и трех много будет. Морковка сладкая, сельдерей дает свою соль.

Вот сейчас попробую...

– Я тебе дал рецепт! – он подходит ближе. – В рецепте написано – три грамма! Ты кто такой, чтобы рецепт менять? Ты же даже родителей своих не уберег, а туда же – умничать!

Тишина. На кухне слышно, как муха пролетит. Все замерли. Ножи застыли в воздухе. Удар ниже пояса. Самый грязный прием. Он всегда так, когда аргументы заканчиваются. Бьет по больному. По самому главному.

У меня внутри все сжимается в комок. Горячая волна подкатывает к горлу. Хочется развернуться и вмазать ему. В его умное, налитое кровью лицо. Сказать, что его рецепты – дерьмо собачье. Что он сам – старый хрыч, который боится, что его обойдут.

Но я не срываюсь. Я закусываю губу до крови. Вкус железа во рту. Детдом научил – доверяй только инстинктам. И терпи. Всегда терпи, если противник сильнее.

Дождись своего часа.

Я медленно выдыхаю. Поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в глаза.

– Вам ложку принести, Иван Васильевич? – голос у меня ровный, стальной. – Попробуйте. Если невкусно – я весь суп сам съем. Без хлеба.

Он смотрит на меня. Глаза колют. Он ненавидит мое спокойствие. Ненавидит, что я не лежу у него на коврик у двери, не виляю хвостом.

– Ложку! – командует он.

Приносят. Он зачерпывает мой бульон, дует, пробует. Долго молчит.

Лицо не меняется. Потом плюет в раковину.

– Пересолено! – рявкает он. – Выплеснуть! И сделать заново! По рецепту!

Врун. Ведь не пересолено. Я знаю. Он знает. Все вокруг знают, но он не может сдаться. Не может признать, что у какого-то сироты из детдома может быть нюх лучше, чем у него с его сорокалетним стажем.

– Хорошо, Иван Васильевич, – говорю я тихо. – Сделаю. По рецепту.

Я подхожу к своей кастрюле. Беру ее. Иду к мойке. Выливаю свой золотистый, прозрачный, идеальный бульон в раковину. Он уходит в слив с тихим шепотом.

Как будто плачет.

Стою, смотрю на пустую кастрюлю. Руки сами сжимаются в кулаки. Я проиграл этот раунд, но не войну.

Сзади слышу шепот. Одногруппники.

– Сирота же, с детдомовским характером... – Ну и зачем уперся? Надо было просто посолить, как все... – Да он всегда такой, выпендрожник...

Слово «сирота» режет ухо. Оно всегда резало. Как будто я не человек, а какой-то диагноз. «Сирота Волков». Без рода, без племени. Чужой.

Я резко оборачиваюсь. Глаза, наверное, горят. Все сразу отворачиваются, делают вид, что очень заняты.

– Что? – шиплю я. – Есть что сказать? В лицо скажите.

Молчат. Трусы.

Я возвращаюсь к плите. Включаю воду. Набираю новую кастрюлю. Буду варить по рецепту. Безвкусное, пересоленное варево. Как у всех.

Но я знаю, что я прав. Я чувствую это кожей. Нюхом. Языком. Я не по рецептам работаю. Я по нюху, потому что рецепты могут потеряться, а нюх – никогда.

Он всегда со мной. Он мой. Как мой нож, который я бережно достаю из чехла. Старый, верный, острый.

Я провожу пальцем по лезвию. Идет идеальная линия.

Он мой. И мои правила. Когда-нибудь они все это поймут.

Вода в кастрюле закипела. Я бросил в нее новый набор овощей – стандартный набор, вымеренный до грамма. Морковка, лук, корень петрушки. Без души.

Без какой-либо своей задумки. Просто – по рецепту. Руки делали свое дело автоматически, а голова была где-то далеко.

«Сирота». Это слово гудело в висках, как навязчивый мотив. Оно всегда выскакивало, как черт из табакерки, в самый неподходящий момент. В столовой, когда кто-то делился, что мама пирожков надавала. В раздевалке, когда все болтали о поездках с родителями на море. Даже здесь, на кухне, где, казалось бы, все мы равны перед лицом жарящегося стейка.

Я не помнил родителей. Только обрывки, как вспышки света в темноте.

Запах папиного одеколона – резкий, табачный. И мамы руки – теплые, в муке. Она тоже готовила. Мы жили в маленькой квартирке, но на кухне у нас всегда пахло чем-то вкусным. Потом этот запах сменился на больничный, резкий и чужой. Потом – на запах детдома: казенной каши, хлорки и чужих тел.

Детдом научил меня главному – не ждать. Не ждать, что тебя накормят.

Не ждать, что тебя пожалеют. Не ждать, что придет кто-то и все исправит. Если ты хочешь есть – умей урвать. Если хочешь, чтобы тебя оставили в покое – умей дать сдачи. Если хочешь тепла – ну... тепла там было не особо.

Я научился обходиться без него. Заменял его жаром плиты.

Иван Васильевич прошелся мимо, бросил взгляд на мою кастрюлю.

Удовлетворенно хмыкнул. Мол, вот теперь все как у людей. Меня от этого хмыкания передернуло. «Как у людей». А я разве не человек? Или люди – это только те, у кого есть мама с папой, кто справляется соль по учебнику?

Рядом возился Санёк, парень с нашего курса. Румяный, добродушный, из обычной семьи. Он на меня косился.

– Антон, да ладно тебе, – прошептал он, пока препод отошел. – Не кипятись. Всегда ты один против всех лезешь.

– Я не против всех, – проворчал я, с силой резая морковь. Она разлеталась на идеальные, ровные кружочки. – Я за

правильный вкус. Он свой протухлый бульон за правильный выдает.

– Ну, может, и так, – Санёк вздохнул. – Но начальник он. С начальником не спорят.

– Начальник, – я фыркнул. – На кухне начальник – тот, кто вкусно готовит, а не тот, у кого бумажка с печатью.

Санёк покачал головой, отошел. Он меня не понимал. И слава богу. Значит, его жизнь была нормальной. Ему не надо было доказывать каждую секунду, что ты имеешь право на свое мнение. Свое место под солнцем. Свой кусок мяса.

Я долил воды, бросил соли. Ровно три грамма. Бульон получился мутноватый, безжизненный. Я пробовать не стал. И так знал, что он – ничего. Пустой. Как и все, что делается без души.

Звонок на перерыв оказался спасением. Я выскочил во двор, закурил. Сигарета горько вкусно щипала легкие. Успокаивала нервы. От группы я держался особняком. Они кучковались у входа, болтали о чем-то своем – о тусовках, о девчонках, о новых телефонах. Я стоял поодаль, слушал обрывки фраз.

– А мы с мамой в театр ходили, она говорит, надо культурно развиваться... – А мне папа новую тачку купил, на прошлых выходных катались...

Я затягивался глубже. Мне было не до них. Мои мысли были там, на кухне, у раковины, в которую утек мой идеальный бульон. Это была не просто еда. Это была часть меня.

Моего понимания мира. И ее выплеснули, как помой.

Ко мне подошел только Санёк. Протянул шоколадку.

– На, подкрепись. Вид у тебя голодный.

Я кивнул, взял. Не потому, что был вежливым. А потому, что правда был голоден. Денег на нормальный обед не было.

– Спасибо, – буркнул я.

– Не за что. Слушай, а ты прав, наверное, – негромко сказал Санёк. —

С бульоном. Я свой попробовал – как травой пропах. А твой пахнул... ну, как из детства. Настоящий.

Я посмотрел на него с удивлением. Не ожидал.

– Да? – сказал я глупо.

– Ага. Но Иван Васильевич – он старый пердун. Ему главное – чтобы по уставу. Ты уж не кипятись. Ты талантливый.

Талантливый. Это слово я слышал от тети Людыв детдоме. И от еще пары людей. Оно всегда казалось мне каким-то чужим, не про меня. Талант – это что-то божественное, данное свыше. А у меня не дар свыше. У меня – упрямство. Желание выжить. И нюх. Просто нюх.

– Таланты тут ни при чем, – отмахнулся я. – Просто надо головой думать и языком.

– Ну, тебе легко говорить, – Санёк вздохнул. – У тебя, видно, это в крови.

В крови. Интересно, что у меня было в крови? Гены какого-то забытого повара? Или просто гены выживальщика? Человека, который из любой дряни может сделать съедобную

штуку.

Звонок с перерыва. Пора было возвращаться на каторгу. Я затушил окурок, побросал бычок в урну. Санёк потопал за остальными. Я задержался на секунду, глядя на унылый фасад училища. Моя тюрьма. Моя крепость. Мой единственный шанс.

На вторую половину пары Иван Васильевич был спокоен. Довольный собой.

Он добился своего – все варили бездушную бурду по рецепту. Мир был в гармонии. А я притих. Сделал вид, что смирился. Резал овощи для салата. Тонко, мелко, идеально. Довел до автоматизма. Руки сами знали, что делать, а голова была занята другим.

Я думал о том, что я не сирота. Нет. У меня есть семья. Это – нож в моей руке.

Это – плита, что шипит и пышет жаром. Это – запахи, что кружатся под потолком. Они меня не предадут. Не обидят. Не назовут лишним.

И однажды я заставлю всех это понять. Я стану лучшим. Не ради званий, не ради денег. Ради того, чтобы больше никто и никогда не посмел вылить мой бульон в раковину, чтобы мое слово на кухне стало законом.

Чтобы это прозвучало громко и четко, без всяких сомнений: «Мой нож. Мои правила».

Последний звонок прозвенел, как освобождение. Я скинул форму, сунул нож в чехол. Он был моим самым ценным

имуществом. Куплен на первые же подработки. Не идеальный, но – мой.

На выходе Иван Васильевич остановил меня взглядом.

– Волков. Задержишься. Помоешь плиты.

Это было наказание. Последнее унижение, чтобы я знал свое место.

Я молча кивнул. Все остальные ушли, торопясь по своим делам. Я остался один в пустой, пропахшей едой и усталостью кухне.

Включил воду. Взял тряпку. И принялся тереть раковину. Ярость, которую я копил весь день, выплеснулась в эти движения. Я тер так, будто хотел стереть сам верхний слой нержавеющей стали. Стереть все насмешки. Все унижительные взгляды.

Все эти «сироты».

Потом я отключил воду. Повис на руках над мойкой, запыхавшийся.

В тишине было слышно мое собственное дыхание.

Тихо. Пусто. Один.

Я выпрямился, вытер руки о брюки. Достал из кармана тот самый, спасенный с утра, кусок шоколада от Санька. Разломил его. Положил в рот. Он был сладкий. Горьковато-сладкий.

Я посмотрел на чистую, блестящую плиту. На свои отражение в ней – искаженное, уставшее.

– Ничего, – сказал я сам себе тихо, но четко. – Ничего.

Еще не вечер.

Еще не конец.

Я погасил свет и вышел, захлопнув за собой дверь. Впереди была ночь. Подработка в той самой забегаловке, пахнувшей дешевым маслом. Но это была моя война и мой выбор.

И никто, черт возьми, не мог этого у меня отнять.

Вечерняя смена в "Блинчике" – это ад с запахом перегоревшего масла и вечно недовольными клиентами, но это деньги. Небольшие, но наличные. И главное – тут меня никто не трогает. Не учит жить. Не тычет в нос моим прошлым.

Я влетел в заведение, едва успев переодеться в засаленную футболку с каким-то идиотским слоганом. Мой второй дом. Или вторая тюрьма – как посмотреть.

– Волков, ты опять! – крикнул из-за гриля Борис, хозяин и главный тиран этого места. – Шевелись, народ голодный, а ты копаешься как рак!

Борис – мужик под пятьдесят, с лицом, на котором вечно написано, что он всех ненавидит, но ко мне он относился... терпимо, потому что я работал быстро, не ныл и не воровал из кассы. В его мире это было высшей похвалой.

– Уже шевелюсь, – буркнул я, на ходу завязывая фартук. – Гриль чистил хоть раз за сегодня?

– Не умничай! На котлеты встал, да поживее!

Я встал к раскаленной плите. Две сковороды, противень в духовке. Нужно было одновременно жарить котлеты, лук для них и следить, чтобы не подгорели блинчики. Танец с

саблями, но я его знал наизусть.

Руки сами делали свое дело. Переворачивал, солил, помешивал. Мозг отключился. Остались только рефлексy. Запах жареного мяса и лука забивал все остальные, даже моей усталости.

Здесь, у плиты, я был нужен. Здесь мое слово было законом. Пусть законом для котлет, но все же.

– Две с двойным сыром и один вегетарианский! – донеслось из зала.

Вегетарианский. В этом слове была вся ненависть мира. Кто придумал вегетарианские блинчики в забегаловке? Это же издевательство над здравым смыслом.

– Получишь свои опилки, негодяй, – пробормотал я, швыряя на сковородку натертый кабачок.

Работа затянула. Суета, крики, звон посуды, бесконечные заказы. Это был хаос, но упорядоченный. Предсказуемый. В нем было проще, чем в тишине собственных мыслей.

В редкую минуту затишья я прислонился к стене, вытирая лоб. Руки дрожали от усталости. Смотреть на еду уже не хотелось. Хотелось просто лечь и умереть.

– Эй, повар!

Я поднял голову. К окошку подошла парочка подростков. Модные, навороченные. Смотрели на меня свысока.

– У вас тут муха в компоте плавает, – заявил парень, тыча пальцем в стакан.

Я вздохнул. Не первый раз.

– Не муха, – сказал я устало. – Изюм.

– Что? – он наклонился ближе. – Это муха! Я что, слепой?

– Вам заменить или деньги вернуть? – спросил я безразличным тоном. Спорить не было сил.

– Вернуть! И вообще, я пожалуюсь! Где ваш санэпидемстантор?

«Санэпидемстантор». Я еле сдержал улыбку. Ну да. Жалуйся.

– Борис! – крикнул я не оборачиваясь. – Разборки!

Из-за угла появился хозяин, красный от злости.

– Опять что?

– Муха в компоте, – сказал я. – Требуют санэпидемстантора.

Борис посмотрел на парня, потом на стакан. Взял его, залпом выпил, хрустнув на прощание чем-то темным.

– Нету мухи, – мрачно провозгласил он. – Идите отсюда.

Парень побледнел, отступил на шаг и, бормоча что-то, потянул девушку к выходу.

Борис повернулся ко мне.

– Видал? Надо быстрее реагировать. Нечего с ними цацкаться.

– Я не цацкался, – я пожал плечами. – Это был изюм.

– А пофиг! Главное – уверенность. Запомни, Волков: в нашей работе главное – не правда. Главное – чтобы последнее слово осталось за тобой. Всегда.

Он ушел, оставив меня с этой простой и гениальной фило-

софией, чтобы последнее слово осталось за тобой. Да. Этому меня в училище не учили.

Смена подходила к концу. Ноги гудели, спина ныла. Я мыл посуду в раковине, смотря как жир и остатки еды сливаются в отверстие. Как мои силы. Как мои мечты.

Зашел Борис, положил на стол несколько купюр.

– За сегодня. Неплохо так подработал.

Я кивнул, сунул деньги в карман. Не считал. Он никогда не обманывал.

– Спасибо.

– Смотри, завтра не опоздай. Утром поставка будет, разгружать надо.

– А я что, грузчик теперь?

– Ты кто скажу, тот и есть, – усмехнулся он. – А теперь вали отсюда. Надоел.

Я вышел на улицу. Ночь была холодной, звездной. Воздух обжигал легкие после раскаленной кухни. Я закурил, вдыхая глубоко. Усталость была приятной, тяжелой, заработанной.

Дорога до общаги казалась бесконечной. Я шагал, уставившись под ноги. В голове крутились обрывки дня. Унизительный бульон. Насмешки. Гриль. Муха в компоте. Деньги в кармане.

В кармане зазвонил телефон. Я вздрогнул. Мало кто мне звонил. Обычно только Санёк по поводу учебы.

Незнакомый номер. Я снял трубку.

– Алло?

– Антон Волков? – женский голос, официальный, холодный.

– Да.

– Вам звонит секретарь ресторана «Палермо». Господин Соколов просил передать, что вы приглашены на стажировку. Завтра в десять утра. Не опаздывайте.

Трубка отключилась.

Я замер посреди темной улицы. Сигарета выпала из рук. Ресторан «Палермо». Тот самый. Тот, что смотрел на меня с глянцевых фото. Тот, где шеф-повар был богом.

Меня. Пригласили. На стажировку.

Я медленно поднял руку, ущипнул себя за запястье. Больно. Значит, не сплю.

Из груди вырвался странный звук – не то смех, не то рыдание. Я закрыл лицо руками. Потом распрямился, глядя на ночное небо.

– Видал, Иван Васильевич? – прошептал я в пустоту. – А ты говорил – выплеснуть.

Я сунул руки в карманы и пошел быстрее. Усталость как рукой сняло. Вместо нее внутри пело что-то острое, яркое, жгучее.

Завтра. Всего лишь завтра.

Я почти бежал до общаги. Ноги сами несли, сердце колотилось где-то в горле.

«Палермо». Стажировка. Эти слова звенели в голове навязчивым, счастливым мотивом. Я даже не заметил, как вле-

тел в знакомый подъезд, пахнувший сыростью и старым линолеумом.

В комнате было тихо – кто-то уже спал, кто-то смотрел в телефон. Степан с верхней полки бросил на меня одинокий взгляд.

– Чего это ты расплылся как сыр в масле? Выиграл что ли что?

– Лучше, – выдохнул я, скидывая куртку. – Меня... в «Палермо» взяли.

На стажировку.

Тишина стала громкой. Даже парень с наушниками оторвался от экрана.

– В какой «Палермо»? – недоверчиво спросил Степан. – Тот, что в центре? С мишленовскими звездами?

– Тот самый, – кивнул я, и глупая улыбка сама расползлась по лицу. Сдерживать не было сил.

Сверху послышался свист.

– Ну ты даешь, Волков! – Степан сполз с кровати, хлопнул меня по плечу. – Это ж тебе не в нашей помойке котлеты жарить! Там, слышал, даже мойку посуды пройти – уже удача.

– Я не на мойку, – огрызнулся я, но без злости. – Стажером на кухню.

Вокруг зашептались. Слышалось что-то вроде «повезло сироте» и «наверняка по блату». Но сейчас это отскакивало, как горох от стенки. Плевать. Пусть завидуют.

– Ладно, празднуй, – Степан снова полез на свою полку. –

Только смотри, не зазвездись, а то назад в нашу помойку возьмем не всякого.

Я фыркнул, но мысленно с ним согласился. Звездить было некогда и не для чего. Это был шанс. Единственный. И я знал – облажаться нельзя. Никак.

Разделся, пошел умываться. В зеркале на меня смотрел уставший парень с лихорадочным блеском в глазах. Я брызнул в него холодной водой.

– Соберись, Волков, – прошипел я своему отражению. – Там тебя никто ждать не будет.

Лег в кровать, но сон не шел. Под подушкой лежал мой нож в чехле. Я достал его, провел пальцами по шершавой рукоятке. Старый, верный друг.

– Завтра, брат, покажем им, – прошептал я. – Покажем, на что мы способны.

Он лежал тяжелый и настоящий в моей руке. Мой нож. Мои правила.

И завтра это поймут все.

Глава 2. Стекло́нная клетка

Видел я таких, как она. По телеку. В этих дурацких сериалах, которые нашавоспитательница в детдоме любила включать. Идеальные, холодные. Ходят по своим глянцевым мирам, с непрошибаемыми масками вместо лиц. Думал, они ненастоящие. Картонные.

А оказалось, вот она – живая. Люба. Дочь того самого ресторатора, чьи портреты в дорогих костюмах висели в нашем училище как иконы. Соколов. Ну, повезло папику. Разбогател на том, что продает людям еду как искусство. Ирония в том, что его собственная дочь выглядела так, будто сама ни разу в жизни не ела ничего вкуснее икры. От нее веяло таким холодом, что можно было мясо замораживать.

Только вот глаза... Это я заметил сразу, в тот первый раз в холле ресторана. Глаза у нее были не холодные. Они были... пустые. Как у заблудившегося щенка, который уже отчаялся найти дорогу домой и просто сидит, уткнувшись в стену.

В глазах – вопрос, на который нет ответа. «Что я тут делаю? И почему мне так одиноко?»

Хотя... пох***. Какое мое дело до глаз каких-то папиных дочек? У меня своих проблем выше крыши.

Утро после того звонка началось с адреналина. Проснулся раньше будильника, от того самого, что поставил на шесть. Сердце стучало, как сумасшедшее. «Палермо». Сегодня.

Весь ритуал был пройден на автопилоте. Умыться. Побриться так, чтобы не порезаться – на кухне кровь никому не нужна. Надеть единственные приличные черные штаны и чистую, хоть и поношенную, темную футболку. Форма повара. Моя униформа для штурма Олимпа.

Нож. Проверил лезвие. Брило. Идеально. Сунул в поясной чехол, под футболку. Мой талисман. Мое оружие.

Выйдя на улицу, я почувствовал, как город изменился. Он не был больше серым и враждебным. Он был полон энергии. Моей энергии. Я шел не на автобус. Я почти бежал. Ноги сами несли.

«Палермо» находился в самом центре, в историческом здании. Я видел его только на фото. Вживую он был... другим. Большим. Солидным. С темными стеклами, сквозь которые не разглядеть ни черта. Дверь была из тяжелого темного дерева.

Я взялся за бронзовую ручку. Она была холодной и увесистой.

Внутри пахло деньгами. Дорогой кожей, полированным деревом и едва уловимыми духами. Воздух был прохладным и неподвижным. После шума и грязи улицы – как попасть в другой мир. В саундтреке этого мира не было мата и грохота машин. Только тихий гул и звон хрусталя.

Меня встретила женщина с идеальной укладкой и таким же идеально безразличным лицом.

– Антон Волков? – спросила она, скользнув взглядом по

моей футболке. Взгляд был быстрым, как удар скальпеля. Оценивающим и не одобряющим.

– Да, – кивнул я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Меня зовут Алиса, администратор. Господин Соколов ждет вас на кухне. Прошу.

Она повернулась и пошла вглубь зала на умопомрачительных каблуках. Я пошел за ней, чувствуя себя слоном в посудной лавке. Казалось, одним неловким движением я могу разнести в щепки всю эту хрупкую, блестящую роскошь.

Мы прошли через шикарный зал с белоснежными скатертями. Сотни ножей и вилок поблескивали в приглушенном свете. И тут я увидел ее. Люба. Она сидела за столиком у окна, в одиночестве. Перед ней стоял айс-кофе, который она лениво помешивала соломинкой. На ней было простое платье, но от него пахло такими деньгами, что моя годовая стипендия показалась бы мелочью. Она смотрела в окно, но взгляд ее был снова тем самым – пустым, отсутствующим. Она не видела улицу. Она видела что-то свое. Свое одиночество.

Администратор Алиса, не сбавляя шага, бросила в ее сторону: «Любовь, отец просил не засиживаться».

Люба даже не повернула голову. Только едва заметно вздохнула. Как будто это был не вздох, а выпускание из себя последней капли какого-то интереса к происходящему.

И в этот момент наши взгляды встретились в отражении окна. Она увидела меня. Удивление мелькнуло в ее глазах,

сменив пустоту. Потом – холодное любопытство. И снова – ничего. Она медленно отвела взгляд, демонстративно подняла телефон и уткнулась в экран. Послание было ясным: «Ты – никто. Ты – пустое место».

Меня это задело. Чертовка. Сидит тут, как королева, в своем идеальном мире, а смотрит на всех свысока.

– Не отвлекайтесь, – холодно бросила Алиса, открывая дверь с надписью «Кухня. Персоналу». – Вам не сюда.

Дверь захлопнулась за моей спиной.

И вот. Я на кухне «Палермо».

Это был не рай. Это был другой вид ада. Идеально организованный, сияющий, но ад. Воздух гудел от десятков одновременно работающих приборов. Шипели сковороды, гудели вытяжки, хлопали дверцы духовок. Пахло... всем сразу. Дорогим маслом, трюфелями, свежей рыбой, жареным мясом, но главное – здесь пахло напряжением. Концентрацией. Скоростью.

Люди в белых кителях двигались как детали одного отлаженного механизма. Никто не кричал. Все говорили коротко, четко, на своем языке.

– «Соус ангел на сходе!»– «Две утки на пассе!» – «Салат-бар на три минуты!»

Я замер у двери, чувствуя себя первооткрывателем, ступившим на новую землю. Это был тот самый храм. Храм, куда я мечтал попасть.

И в центре этого храма, у центрального стола, стоял он.

Олег Соколов. Не с фото в журнале. Настоящий. Высокий, подтянутый, в безупречном шефском кителе. Он не суетился. Он наблюдал. Его глаза, холодные и пронзительные, скользили по кухне, отмечая каждую мелочь.

Его взгляд упал на меня.

– Волков, – произнес он. Голос был ровным, без эмоций. Не громким, но его было слышно сквозь весь гул кухни. – Вы опоздали на сорок семь секунд. На моей кухне время решает все. Поняли?

Я проглотил комок в горле и кивнул.

– Понял.

– Хорошо. С сегодняшнего дня вы – стажер. Ваша задача – слушать, смотреть и не мешать. Начнете с овощей. Мойка там. Вам покажут.

Он махнул рукой в сторону огромной раковины, где горой лежали корзины с морковью, луком-пореем, сельдереем. Работа для самых низших в иерархии. Работа, которую в училище я ненавидел.

Но здесь, сейчас, это было счастьем. Меня не выгнали. Мне дали шанс.

Я подошел к мойке. Рядом уже работал парень, лет на пять старше меня, с уставшим лицом и быстрыми руками.

– Новенький? – буркнул он, не глядя на меня. – Бери нож. Чисти морковь. Тонко. Шеф не любит, когда счищают половину овоща.

Я кивнул, достал свой нож. Парень мельком взглянул на

него, и в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

– Свой? Неплохо.

Я взял первую морковку. Чистил. Старался делать это так, как меня учили. Тонко, быстро, без потерь. Руки дрожали, но от волнения, а не от страха.

Я был здесь. В самом сердце «Палермо». Я слышал его ритм, чувствовал его жар.

И где-то там, за дверью, в своем хрустальном мире, сидела она. Дочь хозяина.

С пустыми глазами.

И я подумал, что мой мир из говна и палок, но он живой. А ее идеальный мир – мертвый. И от этой мысли на душе стало и горько, и странно спокойно.

Я чистил морковку и смотрел на шефа. На его уверенные, точные движения. На его команды.

Это было только начало. Мое начало.

Работа у мойки была монотонной, почти медитативной. Рука сама выводила длинные, прозрачные ленты кожуры с моркови. Я резал лук-порей тонкими, идеальными кольцами, как браслеты для какой-нибудь модницы. Голова была свободна, и я украдкой наблюдал.

Наблюдал за тем, как работает шеф Соколов. Он не готовил. Он дирижировал. Один его взгляд, брошенный на повара, заставлял того выпрямляться и работать быстрее. Одно тихое замечание – и блюдо мгновенно исправляли или вовсе отправляли в отходы.

– Пережарили, – сказал он как-то раз, тыкая вилкой в стейк. Голос был спокоен, но в нем была сталь. – Чувствуете? Корочка есть, а сока нет. Мертвое мясо.

В помойку. И научитесь наконец чувствовать температуру, а не тыкать в него термометр, как в лаборатории.

Повар, здоровый детина, лишь покраснел и потупился. Меня передернуло.

Я представил, что было бы, если б так сказали мне. На нашей учебной кухне этот стейк сочли бы вполне съедобным. Здесь же – помойка. Здесь были другие стандарты. Высшая лига.

Ко мне подошел су-шеф, мужчина с лицом, высеченным из гранита, и бросил взгляд на мою разделочную доску.

– С пореем перестарался, – бросил он. – Половина в отходы ушла. Экономь продукт. Деньги на ветер не бросаем.

Он ушел, не дожидаясь ответа. Во рту снова стало горько. Опять. Вечно я либо недотягиваю, либо перегибаю. Никогда не угодить.

Рядом работал тот же парень, Дима. Он тихо фыркнул.

– Не обращай внимания. У Федора, – он кивнул вслед су-шефу, – у самого с этим туго. Он просто срывается на стажерах. Учись игнорить.

– А шеф? – не удержался я. – Он всегда такой... ледяной?

Дима усмехнулся.

– Олег? Он не ледяной. Он – как раскаленная сковорода. С виду гладкий, ровный, но прикоснешься – сожжет до тла.

Он просто не тратит силы на эмоции. Каждая его эмоция – в тарелке. Если блюдо идеально, он может кивнуть. Это высшая похвала.

Я снова посмотрел на Соколова. Он стоял, скрестив руки, и наблюдал, как собирают десерты. Его лицо было невозмутимым. И я снова подумал о его дочери.

О Любе. У нее было то же самое, каменное, отрепетированное выражение лица. Только у него за ним скрывалась титаническая воля и работа. А у нее? Что скрывалось за ее маской?

Внезапно дверь на кухню распахнулась. И она вошла.

Не та, что утром, в платье. Она была в простых джинсах и футболке, волосы собраны в небрежный хвост. В руках – папка. Она выглядела... обычной. Почти своей. Но атмосфера на кухне мгновенно изменилась. Повара старались не смотреть в ее сторону, но я видел – они напряглись. Как солдаты при появлении генерала.

Она подошла к отцу.

– Пап, мне нужно, чтобы ты подписал, – ее голос был ровным, без интонаций. Она протянула папку.

Соколов, не глядя на нее, взял документы, пробежал глазами, достал из нагрудного кармана ручку и расписался.

– Спасибо, – сказала она, забирая папку обратно.

И тут ее взгляд скользнул по кухне и... задержался на мне. На секунду дольше, чем на других. В ее глазах мелькнуло не просто любопытство. Узнавание. И что-то еще... Раздраже-

ние? Она отвела взгляд, повернулась к отцу.

– Я поехала к Маше.

– Хорошо, – ответил Орлов, уже изучая соус в сотейнике. – Не опаздывай.

Она развернулась и вышла. Дверь захлопнулась. Воздух снова загудел привычным ритмом.

Я стоял с ножом в руке и понимал, что стал свидетелем чего-то очень личного и в то же время до ужаса безличного. Весь их разговор занял пятнадцать секунд.

Ни «как дела?», ни «как учеба?». Подпиши. Спасибо. Пока.

И я вдруг осознал, что мой бульон, вылитый в раковину Иваном Васильевичем, был актом большей страсти и участия, чем этот разговор между отцом и дочерью. По крайней мере, Иван Васильевич вложил в свой поступок эмоцию – злость.

А здесь не было ничего. Пустота.

Дима, стоявший рядом, тихо присвистнул.

– Ну что, познакомился с нашей принцессой?

– Она всегда такая? – не удержался я.

– Ага. Ходит тут как тень. Отец, видимо, заставляет появляться, чтобы хоть как-то приобщать к бизнесу. А ей пох**, вообще на все. Богатые тоже плачут, бла-бла-бла, – он махнул рукой. – Только слезы у них из шампанского.

Я кивнул, но в душе с ним не согласился. Нет, это были не слезы из шампанского. Это было что-то другое. Что-то

тяжелое и безнадежное.

И в этот момент я поймал себя на мысли, которая меня самого озадачила. Глядя на ее уходящую спину, я почувствовал не злость. Не раздражение. А... что-то вроде жалости.

Черт. Жалость к той, у которой есть все. Разве это не идиотизм?

Я тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли. Взял очередную морковь. Заточил нож.

Какое мое дело до ее проблем? Пусть разбирается сама. У меня своя война.

А сегодня я выиграл первый, крошечный бой – меня не выгнали в первый же день.

Я посмотрел на своего шефа. На его сосредоточенное лицо.

Одного дня мало. Мне нужно задержаться. Навсегда.

Смена подходила к концу. Мои пальцы затекли от ножа, спина ныла от неудобной позы у мойки, но внутри горел огонь. Я видел, как шеф впервые за день одобрительно кивнул, пробуя соус от соусье. Это был едва заметный кивок, но вся кухня выдохнула с облегчением. Я тоже.

Потом случилось то, чего я никак не ожидал. Соколов закончил обход и направился к выходу. Его путь лежал мимо моей мойки. Я вжал голову в плечи, стараясь стать невидимкой.

Он прошел. Сделал шага два и остановился. Повернулся. Его взгляд упал на мою разделочную доску, где аккурат-

ными стопками лежали нашинкованные овощи. Потом перешел на мой нож, который я как раз протирал.

– Свой инструмент? – спросил он. Голос по-прежнему был ровным, но без прежней ледяной струи.

– Да, – выдохнул я.

Соколов взял у меня из рук морковку, которую я только что почистил. Повертел ее. Кожура снята идеально, без единого проплешина, без потери формы.

– Руки не дрожат, – констатировал он. – Это хорошо. Уберите стол. Завтра в семь. Опоздаете – не приходите.

Он бросил морковку обратно в корзину и вышел с кухни, не оглянувшись.

Я стоял, словно громом пораженный. Дима снова фыркнул, но на этот раз с оттенком уважения.

– Ну, новичок, тебе повезло. Он редко со стажерами говорит. Вообще. Значит, ты ему хоть чем-то глаз зацепил.

– Чем? – искренне не понял я. – Я же просто чистил овощи.

– А кто-то и с этим справиться не может, – пожал плечами Дима. – Иди уже, чего замер. Отдыхай. Завтра будет жарче.

Я вышел на улицу. Вечер был таким же, как вчера, но я был другим. Пах я теперь не только дешевым маслом из «Блинчика», но и дорогим трюфельным маслом, и дымом от углей, и свежей зеленыю. Эти запахи вьелись в кожу, в волосы, в одежду. Они были моим пропуском в другой мир.

Я шел и вспоминал ее. Любу. Ее пустой взгляд. Ее корот-

кий, деловой разговор с отцом. И тот странный момент, когда она узнала меня.

И я понял одну простую вещь. Мы оба были стажерами в этом мире ее отца. Только я стажировался как повар, а она – как дочь. И мне, похоже, повезло больше. Потому что мой шеф, хоть и суровый, но смотрел на мою работу. А ее шеф не смотрел на нее вовсе.

Я достал телефон. Нашел то самое, заезженное видео с мишленовским шефом. Включил. И впервые за долгое время я смотрел на него не как на недостижимую мечту, а как на цель. Теперь я знал дорогу. Она начиналась у раковины с овощами и вела сюда, к этим дверям.

Дверь в «Палермо» была для нее – стеклянной клеткой, а для меня – она была дверью. Всего лишь дверью. В мою новую жизнь.

Глава 3. Шанс. Один из миллиона

За пару дней до приглашения в «Палермо».

Тот день в училище начался как обычно. В воздухе висела знакомая гремучая смесь запахов – сегодня практика по рыбе. Иван Васильевич ходил между столами с видом полководца на поле боя, готового в любой момент казнить нерадивого солдата.

Я чистил камбалу. Это надо делать быстро и точно, чтобы не повредить нежное мясо. Я погрузился в ритм: скребок, быстрый надрез, снятие кожицы одним движением. Руки помнили всё.

Вдруг гул в мастерской стих. Я поднял голову. В дверях стоял директор училища, а рядом с ним – сам Олег Соколов. Тот самый, дорогом костюме, который выглядел абсолютно чужеродно среди наших замызганных стен.

Он осматривал мастерскую холодным, оценивающим взглядом.

Иван Васильевич выпрямился, изобразив на лице что-то среднее между уважением и подобострастием.

– Олег Игоревич! Прошу, проходите. Как раз практика у ребят.

Соколов молча прошел между столов. Его взгляд скользнул по разделочным доскам, задержался на чьих-то неуверенных руках, снова поплыл дальше. Атмосфера сгустилась.

Все понимали – это не просто визит.

Это просмотр. Он остановился рядом со мной. Я чувствовал его взгляд на своих руках, но не отрывался от рыбы. Скребок, надрез, кожица. Чисто.

– Почему именно плоскими движениями? – раздался над самым моим ухом его ровный голос.

Я не вздрогнул. Закончил снимать кожу и отложил нож.

– Чтобы не порвать филе, – ответил я, глядя прямо перед собой. – И не дать горьковатому вкусу от кожицы перейти на мясо.

Соколов пару секунд молча смотрел на идеально чистую тушку. Потом кивнул. Всего один раз. И пошел дальше.

Через пятнадцать минут они с директором ушли. А еще через час, когда мы заканчивали уборку, в мастерскую влетел запыхавшийся лаборант.

– Волков! К директору! Срочно!

По дороге в кабинет я слышал, как по коридору пронесся слух: «Соколову нужны люди! У него на кухне скандал, полбригады выгнал! Объявляет кастинг!»

Сердце упало куда-то в ботинки. Кастинг. Значит, он искал не одного стажера.

Он набирал новых "рабов" после кадрового апокалипсиса. И я был лишь одним из десятков.

В кабинете директора стоял табачный смрад и витало напряжение.

Иван Васильевич сидел с каменным лицом. Директор сла-

цаво улыбался.

– Ну, Волков, – начал он. – Вы сегодня произвели хорошее впечатление на Олега Игоревича. Он проводит отбор среди лучших учащихся городских училищ.

И мы... э-э-э... решили дать этот шанс вам.

Он протянул мне сложенный листок. На нем был логотип «Палермо» и адрес.

Иван Васильевич скрипуче произнес, глядя куда-то мимо меня:

– Только, Волков... Не опозорь нас. – Он сделал паузу, и в воздухе повисло невысказанное, но понятное каждому слово. Сирот.

Глаза его говорили: «Ты – отброс. Ты – наше пятно. Не смей показывать, кто ты на самом деле».

Горло сжалось. Я чувствовал, как по щекам разливается жар. Я хотел швырнуть ему в лицо эту бумажку. Сказать, что мне не нужен их шанс, что я и сам пробуюсь.

Но я посмотрел на логотип. «Палермо». Я представил ту кухню. Тот запах. Тот жар.

Я молча протянул руку. Взял бумажку. Развернул и посмотрел на адрес. Завтра. Десять утра.

– Я не опозорю, – тихо сказал я, глядя не на них, а на бумажку в своих руках. – Училище.

Я вышел из кабинета, не дожидаясь ответа. В кармане у меня лежал мой билет. Или пропуск на собственную казнь. Разница была лишь в том, как я им распоряжусь.

В кармане зазвонил телефон. Санёк.

– Антон! Ты правда идешь на кастинг к Соколову? – в его голосе был

неподдельный восторг.

– Ага, – я прислонился к прохладной стене в коридоре. – Видимо.

– Это же круто! Шанс один на миллион!

Да. Один на миллион. Как лотерейный билет. Только я никогда не верил в удачу. Я верил в нож в своей руке. И в то, что мне нечего терять.

Весь оставшийся день я готовился. Чистил и точил свой нож до зеркального блеска. Пересматривал видео. Готовил мысленно. Я не молился на удачу. Я отработывал каждый возможный сценарий.

Это был не билет. Это был вызов. И я был готов его принять.

Глава 4. Испытание огнем

Второй день начался не со звонка будильника, а с того, что я проснулся за час до него. Внутри всё сжалось в тугую, горячий комок. Не от страха. От того самого чувства, когдаходишь к краю и знаешь – сейчас будешь лететь.

Или разобьешься. «Палермо» встретил меня тем же ледяным молчанием мраморных полов. Но сегодня я не чувствовал себя слоном в посудной лавке. Я был солдатом, которого закинули на вражескую территорию. Надо было просто не подохнуть в первые пять минут.

На кухне уже гудело. Дым, пар, крики «на пассе!» – симфония начиналась без меня. Меня сразу, без слов, направили к всё той же проклятой мойке. Гора зелени – петрушка, укроп, кинза. Нужно было перебрать, помыть, высушить. Работа для идиота. Или для того, кого хотят сломать.

Я взял первый пучок. И тут подошел Федор, су-шеф. Лицо всё то же, гранитное.

– Слышал, вчера шеф с тобой слово замолвил, – сказал он без предисловий. – Не обольщайся. Он со всеми новыми так. Проверяет, не зазвездился ли. Сегодня тебя ждет настоящая баня.

Он ушел. Я продолжил перебирать зелень. Петрушку я ненавидел с детства. Она пахла дешевыми щами из детдомской столовой. Но сейчас я нюхал каждую веточку. Искал в

этом запахе что-то другое. Находил. Остроту. Свежесть. Характер.

К полудню жар на кухне достиг точки кипения в прямом смысле.

Шеф Соколов ходил между столов, и каждый его шаг отзывался нервным напряжением в воздухе. Он подошел к моей мойке, остановился. Я не обернулся. Продолжал сушить кинзу на бумажных полотенцах.

– Волков.

– Да, – я выпрямился.

– Всю зелень за полчаса не перебрать, – констатировал он, глядя на мою работу.

– Я не просто перебираю, – сказал я, и язык будто отсох. – Я убираю всё вялое. И мою так, чтобы не убить запах. И сушу так, чтобы она не сгнила за час.

Он посмотрел на меня. Не на зелень. На меня. Взгляд был таким тяжелым, что хотелось опустить глаза. Я не опустил.

– Брось это, – сказал он наконец. – Иди сюда.

Он подвел меня к центральному столу – священному алтарю кухни. Там лежали не трюфели и не устрицы. Лежала обычная картошка. Лук. Морковь. Чеснок. Немного бекона. Продукты, которые можно купить в любом ларьке за копейки.

– Покажи, что ты можешь, – сказал Орлов. Голос был ровным, но в нём читался вызов. – Из этого. За двадцать минут. Чтобы это было... съедобно. И не стыдно.

Кухня не затихла. Но я почувствовал, как десятки глаз уперлись мне в спину. Это была проверка. Та самая. Ты либо свой, либо нет.

У меня в голове пронеслось: «Детдомская еда». Из этого кормили нас годами. Картофельное пюре с подозрительными комками. Тушеная капуста, пахнущая тоской. Но я помнил другое. Помнил, как тетя Люда иногда, тайком от начальства, делала нам «бабку» – картофельную запеканку с хрустящей корочкой. Это был праздник.

Я не стал думать. Руки сами всё знали. Взял сковороду. Не самую большую.

Положил кубики бекона. Не чтобы пожарить, а, чтобы вытопить из них весь аромат, весь дымок. Вынул шкварки. В этом жире обжарил лук, нарезанный не мелко, а крупно, чтобы чувствовался. Потом морковь соломкой. Потом картошку, тоже крупно. Не перемешивал, а уложил слоями, как собираю дом. Залил всё водой так, чтобы она лишь чуть покрывала картошку. Кинул две веточки тимьяна, который увидел на столе. Посолил. Не по рецепту. По тому самому нюху.

Поставил на сильный огонь, а потом убавил до минимума. Накрыв крышкой. Теперь надо было ждать. И я стоял. Стоял и смотрел, как через стеклянную крышку поднимается пар, как пузырьки лопаются на поверхности. Я чувствовал этот запах. Детства, того, которое было до детдома. Теплой кухни, маминых рук. Ностальгия по тому, чего почти не помнишь.

Через пятнадцать минут я снял крышку. Запах ударил

в нос – дымный, сладковатый от лука и моркови, сытный от картошки. Я выпарил остатки жидкости, чтобы картошка слегка подрумянилась снизу. Выключил огонь. Бросил в сковороду крупно порубленную петрушку и чеснок, который мелко нарезал ещё в начале. Перемешал один раз.

На тарелку положил не горкой, а аккуратно, чтобы было видно каждый ингредиент. Сверху – те самые хрустящие шкварки и веточку тимьяна.

Я поставил тарелку перед Соколовым. Руки не дрожали. Внутри была пустота и тишина.

Он взял вилку. Попробовал картошку. Потом лук. Потом взял кусочек бекона.

Ел медленно, не глядя на меня. Его лицо ничего не выражало.

– А зачем они? Ты знаешь вкус. Ты сделал из дерьма... еду. Настоящую. – Потом он отложил вилку. – Говоришь, не знаешь умных слов? – спросил он. – А зачем они? Ты знаешь вкус. Ты сделал из дерьма... еду. Настоящую. – Он— Не знаю, – честно сказал я.

Он помолчал.

– Стажер. Будешь работать.

В груди что-то ёкнуло. Прямо вот так, физически. Это было оно. Шанс.

И тут во мне что-то щелкнуло. Не благодарность. Не радость. А та самая, детдомовская, звериная осторожность. Получать что-то

просто так – нельзя. За всё придётся платить втридорога.

– Буду, – сказал я чётко. – Но на своих условиях. Я посмотрел ему прямо в глаза. На кухне кто-то ахнул. Федор замер с ножом в руке. Соколов медленно поднял брови. – Каких ещё условиях?

– Я буду работать. Учиться. Выкладываться. Но я не буду просто «стажером». Если моё блюдо когда-нибудь попадёт в меню – мне процент. Копейки. Но мой. И вы учите меня. По-настоящему. Не как уборщика, а как повара.

Тишина стала оглушительной. Казалось, даже вытяжки замерли. Соколов смотрел на меня так, будто я только что выросла вторая голова. Он не злился. Он был в глубочайшем недоумении. Никто, никогда, в его жизни не ставил ему условий. Особенно какой-то оборванец с мойки.

И в этот самый момент, краем глаза, я увидел движение в дверном проёме. Она. Люба. Застыла на пороге, с папкой в руках. Она смотрела не на отца. Она смотрела на меня. Широко открытыми глазами, в которых читался шок. Потом её взгляд медленно перешел на отца. На его лицо, на котором застыло то самое редкое выражение – не гнев, не презрение. Интерес. Чистый, неподдельный интерес.

Он смотрел на меня. Как на человека. Как на того, кто посмел.

– Ты либо сумасшедший, Волков, – сказал он наконец. – Либо... ты правда что-то понимаешь. Ладно. Договорились. Процент – это громко для начала. Но... посмотрим. – Он

махнул рукой. – А теперь за работу. У нас обеденный перерыв через час, а ты стоишь как столб. Соколов медленно, почти невесомо, постучал пальцами по столу.

Я кивнул, развернулся и пошел обратно к своей мойке. Спина была прямой. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть. Я чувствовал её взгляд на своей спине. Горячий, колючий, полный непонимания.

И я понял одну простую вещь. Сегодня я не просто прошёл проверку. Я выиграл первый раунд. Не против неё. Против всей этой огромной, давящей машины под названием «Палермо».

Теперь игра начиналась по-настоящему. И, кажется, по моим правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.